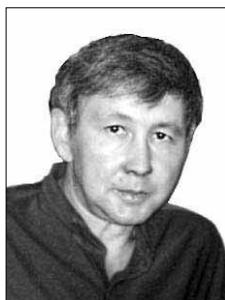

ЛЕВ ТОЛСТОЙ. НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ БОРЬБА СО ЗЛОМ

Лев Толстой знаменит и уважаем как в России, так и за её пределами. Но его слава на родине связана в основном и почти исключительно с романами писателя. А за пределами России слава Толстого-философа порой даже превосходила славу Толстого-художника.

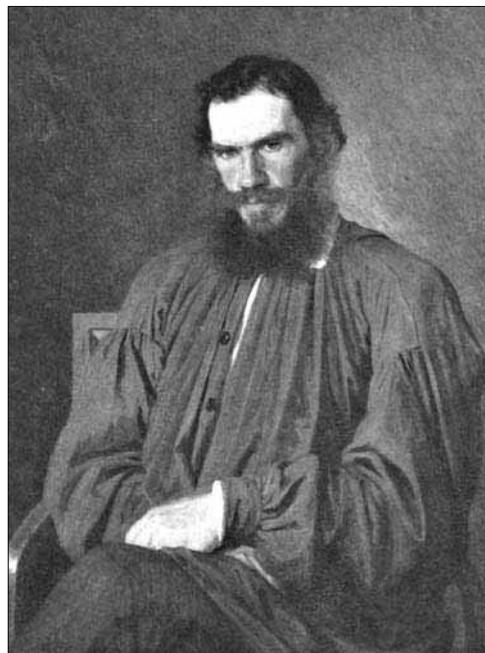

Рауф Габидулин,
профессор
кафедры психологии
и гуманитарных
дисциплин
Института
управления,
кандидат
философских
наук

Говоря о философии Толстого, автор не имеет в виду философское содержание его романов. Философские идеи писателя, осознание им смысла жизни, его понимание общественных и нравственных проблем было чётко и последовательно сформулировано в публицистических статьях и научных трактатах. Именно этой части творческого наследия Толстого повезло в России меньше всего. Нравственное, общественное, религиозно-философское учение Льва Николаевича было с неприязнью встречено официальными кругами ещё при жизни автора, некоторые его статьи печатались только за границей.

После 1917 г. отношение к идеям Толстого стало намного хуже, особенно тогда, когда всё написанное В.И. Лениным было объявлено истиной в последней инстанции. К сожалению, Ленин проявил в своё время особый интерес к учению Толстого, и в целом оно ему не понравилось. Ленин посчитал его реакционным, идеологически вредным со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так уж получилось, что отец индийской нации Махатма Ганди считал себя учеником Льва Толстого и гордился этим, а на родине Толстого это обстоятельство долго замалчивалось. Такое замалчивание вполне объяснимо, уж очень несовместимы были идеи Толстого и Махатмы Ганди с идеями классовой борьбы и революционного насилия, столь милыми сердцу и уму коммунистических идеологов.

К основным идеям своего учения Лев Толстой пришёл уже в зрелом возрасте. В своей автобиографической «Исповеди» (1881) он писал, что примерно в пятидесятилетнем возрасте у него произошла переоценка ценностей, переосмысление всей предшествующей жизни. Начался внутренний поиск смысла жизни. Толстой изучил много философских сочинений, массу религиозных текстов. Это изучение имело систематический и последовательный характер. Какое-то время, например, Толстой был настолько сильно увлечён философским пессимизмом Шопенгауэра, что даже переводил отдельные сочинения немецкого философа. Но в конце концов на основе анализа множества философских и религиозных концепций Толстой создал своё собственное учение, основные идеи которого были сформулированы в работах «В чём моя вера» (1888), «Не убий» (1900), «Не могу молчать» (1908), «Ответ на определение синода» (1901). В рам-

Лев Николаевич Толстой.
Худ. И.Н. Крамской. 1873

Л. Толстой

ках статьи можно выделить следующие положения учения Толстого:

1. Нравственное содержание всех современных религий одно и то же, то есть все религиозные учения, распространённые в XX веке, призывают к одним и тем же нормам нравственного поведения. Эти нравственные нормы по-разному выражены: в заповедях, притчах, рассказах о жизни основателей религий, в их наставлениях, но и Конфуций, и Будда, и Моисей, и Христос, и Магомет учили людей высоконравственному поведению. Учитывая ту значительную роль, которую играют религии, основанные этими духовными наставниками человечества, можно сказать, что в мире есть надёжная основа для взаимопонимания и сотрудничества всех народов. Не случайно Лев Николаевич с огромным интересом относился к попыткам создания новых религиозных учений на основе идеи родства всех имеющихся религий. А в конце XIX века с проповедью, объединяющей религии, выступили Рамакришна и Вивекананда в Индии, а Баха-Улла в Иране создал религию бахаи. Толстой в своём изучении предшествующих учений не ограничивался только учениями Европы, но познакомился и со всеми переведёнными на европейские языки философскими и религиозными текстами Востока. То есть идеи Толстого базируются на очень широком культурно-историческом фундаменте. Не случайно поэтому, что впоследствии они воспринимались с одинаково большим интересом как в Европе, так и в Азии.

2. Если религии говорят, в сущности, об одном и том же, почему же люди разных верований зачастую враждуют между собой? Происходит это, по мнению Толстого, из-за того, что в современном мире для большинства верующих на первый план выступают не нравственные нормы религий, а обрядовые. В самом деле, для большинства верующих быть религиозным человеком — это значит соблюдать обряды, а не нравственные предписания. Легче выполнить какой-то

ритуал моления или даже попоститься некоторое время, чем искоренить в себе зависть, гнев или подставить правую щеку после удара по левой. Но главное не в том, что легче, а что труднее соблюдать. Дело в том, что имеется многочисленный слой людей, прямо заинтересованных в том, чтобы верующие главное внимание уделяли обрядам, а не нравственному содержанию религии. К сожалению, эти люди, как правило, священники. Ведь всё их существование, в том числе и материальное благополучие, связано с обслуживанием обрядов. Иными словами, в силу своего положения многие священники вынуждены привлекать внимание верующих к обрядовой, а не к нравственной стороне религии. Толстой в своих произведениях писал, что многие обряды христианства нельзя найти в Евангелиях, но именно они свято соблюдаются. По мнению Толстого, многие обряды даже противоречат учению Христа, но священники не обращают на это внимания и требуют исполнения обрядов, а не высоконравственной жизни. Поскольку именно обрядность имеет важное значение для верующих, а обряды разных религий различаются, то именно различие в обрядах приводит к людскому непониманию, вражде и даже к убийствам. Напрашивается естественный, по мнению Толстого, вывод: отказаться от обрядов и жить в соответствии с нравственными нормами этих религий, то есть видеть в религии прежде всего нравственную систему, а не обрядовую.

Но что в таком случае остаётся делать священнослужителям? Реакция большинства из них на идеи Толстого была предсказуемой и естественной. Толстой был отлучён от церкви, несмотря на убеждённость писателя, что он поступает в строгом соответствии с заповедями Христа.

3. Наибольшую известность учению Толстого принесла идея ненасильственного сопротивления злу. Правда, в литературе о Толстом чаще использовалось словосочетание «непротивление злу насилием», но в этом случае, как правило, упор делался на первых словах — «непротивление

злу», что искажало идеи Толстого. А речь шла именно о сопротивлении злу, но сопротивлении без применения насилия.

Толстой считал, что нужно отстаивать добро, но не любыми способами. У разных людей могут быть разные представления о добре, свои представления о способах решения тех или иных общественных проблем, но любые попытки добиться торжества добра с помощью силы, с применением насилия закончатся торжеством зла. Применение насилия — всё равно: физического или психического — обязательно вызовет чувство ненависти у противника, а где царит ненависть, там нет места добру.

Из этого не следует, что надо отказаться от борьбы со злом, но надо бороться только ненасильственными средствами, отказываясь совершать безнравственные поступки, даже если отказ будет угрожать вашему благополучию, свободе или жизни. Фактически в учении о ненасильственном сопротивлении злу Толстой создал новую концепцию героизма, новое понимание мужества: величие человека не в том, чтобы нанести ответный удар, а в том, чтобы не ответить на удар, даже имея на это силу. Благодаря такому поступку нравственный человек не будет распространять цепь насилия, более того, ударивший человек может задуматься или даже устыдиться своего поступка, а это уже путь к его нравственному излечению. Подобная концепция героизма позволяет ликвидировать разрыв между нравственными нормами религий и распространёнными представлениями о героизме. Например, совет Христа подставить щеку для удара трудно увязать с представлениями о героизме, традиционными даже для людей, исповедующих христианство. Учение Толстого устраняет это противоречие.

Это учение может показаться совершенно утопичным, то есть не реализуемым на практике. Но это не так. Толстой создаёт новый идеал нравственного поведения, к которому должны стремиться люди. Далеко не все могут пойти по этому пути, но ведь и по пути традиционного героизма идут немногие. На самопожертво-

вание в боевой схватке способны единицы, так же как и немногие способны отдать жизнь на пути ненасильственного сопротивления. Главное различие между этими концепциями не в степени их реалистичности, а в тех идеалах, к которым должны стремиться люди. Идеал, выдвигаемый Толстым, способствует уменьшению жестокости и агрессивности в обществе, учит людей состраданию, взаимопониманию и любви.

То, что учение о ненасильственном сопротивлении не являлось чистой утопией, было продемонстрировано Махатмой Ганди, который сумел убедить индийцев добиваться независимости ненасильственными методами. И независимость была достигнута без какой-либо национально-освободительной войны. Концепция ненасилия создавалась Толстым на основе анализа политической жизни России конца XIX — начала XX века. Толстой был свидетелем вооружённой борьбы, которую вели между собой правительство России и террористы-революционеры. Великий гуманист призывал тех и других остановиться, убеждал их в том, что, отвечая друг другу ударом на удар, обе стороны увеличивают количество ненависти и агрессивности в России. Всё это неминуемо приведёт к ужасным общественным потрясениям, в которых не будут достигнуты ни цели правительства, ни цели революционеров. Предсказания Толстого очень скоро подтвердились.

Распространение гуманистических идей Льва Николаевича чрезвычайно важно для сегодняшнего времени. Его идеи были сформулированы в результате обобщения духовного опыта народов Европы и Азии, в результате изучения различных религий и нравственных систем. Уже при жизни Толстого представители самых разных народов и вероисповеданий с благодарностью воспринимали учение Толстого. Распространение этого учения поможет уменьшить недоверие между народами, агрессивность и фанатизм в обществе.

г. Архангельск

Махатма Ганди

В своей автобиографии Ганди сообщает о том большом влиянии, которое имел на него Л.Н. Толстой.

По словам Ганди, чтение первого попавшегося ему сочинения Толстого «потрясло» его настолько, что все прочие книги показались ему «ничтожными в сравнении с независимостью мысли, глубокой нравственностью и искренностью Толстого».